

ЭНХИНЗЕЛЬ

ДЕЛО ДЕВЯТИХВОСТОЙ ЛИСЫ

НЭДОН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Скинуть со скалы — не значит избавиться от компромата.
Какие тайны вскроет убийство старшеклассницы?

Гумерова Анна

Анна Гумерова

**Энхинзель: дело
девятихвостой лисы**

«Автор»

2026

Гумерова А.

Энхинзель: дело девятихвостой лисы / А. Гумерова — «Автор», 2026

Сезон зимних штормов на Янтарном острове каждый встречает по-своему. Одни пакуют чемоданы, чтобы перезимовать на большой земле, другие — смиренно ждут, когда воды Калининградского залива начнут отвоевывать сушу. Но когда на пляже находят тело старшеклассницы, сброшенное с мыса, покой теряет не только элитный пансионат для девочек, но и весь остров. Помочь следствию берется почтенная фрау Краузе — известная на острове сыщица и напарница майора Звягинцева. Однако ее вмешательству рады не все. Столичный следователь Яков Брандт пытается отстранить фрау от дела, а художник Вадим Владимиров перехватывает улики, пытаясь оправдать дочь. Профессионалам и любителям придется объединиться, чтобы не только найти убийцу и раскрыть тайны убитой «Ми Сонхо», но и предотвратить следующие жертвы.

© Гумерова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 01: Дама бубен	5
I	5
II	8
III	11
IV	14
V	17

Анна Гумерова

Энхинзель: дело девятихвостой лисы

Глава 01: Дама бубен

I

Колокольчик над дверями звякнул. В кафе ворвался рокочущий звук волн. Пенящимся шипением он захлестнул порог, ударился о барную стойку, словно белые барашки прилива решили посоревноваться друг с другом о том, кто дальше забежит. Но дверь закрылась. И несчастные барашки, отрезанные от вод Калининградского залива, сиротливо остались скитаться между столиками прохладным солоноватым воздухом.

Четыре пары глаз разом обратились к вошедшей и тут же разочарованно опустились. Туристка смутилась. Поправив на плече рюкзак, она неловко кивнула компании старушек у окна и села у барной стойки изучать меню завтраков.

— Ну и где наша фрау Краузе? — старушка в сиреновом берете подслеповато прищурилась, стараясь разглядеть на крохотном циферблате наручных часов стрелки. — Время уже к одиннадцати!

— Ты куда-то спешишь?

Подруга, сидящая напротив, тряхнула золотистыми завитками на голове. Она растянула тонкие губы в блаженной улыбке и, поставив подбородок на руку, повернула лицо к медовым лучам осеннего солнца.

— Мы на пенсии, Света, — промурлыкала золотистая блондинка. — Пей свой травяной чай и наслаждайся моментом. Сколько еще погода Балтики позволит нам любоваться солнцем?

— Я, конечно, не против, — жилистая дама с тугим пучком на макушке ревниво покосилась на пирог, — но, может, мы хотя бы попробуем кулебяку?

— Она уже остыла, Клава! — на плечо строгой дамы опустилась мягкая сдобная рука, и над столиком подруг разлился веселый серебристый смех. — Попроси Ванечку его погреть, а мы пока погадаем!

— Соня! — золотистая блондинка округлила глаза на хохотушку. — Сейчас-то зачем?

— Валя, не начинай! — пышечка уже неловко перегнулась к своей маленькой сумочке и достала из нее завернутую в платок колоду карт. — Ну мы же хотим узнать, куда запропастилась наша фрау Краузе. Так что двигайте. Двигайте к себе кружки, и я сделаю расклад.

Белые, словно вымешанные из теста, руки Софьи Николаевны бережно расстелили на столе цветастый шелковый платок. В ее быстрых пальцах замелькали розовые рубашки играль-ных карт, и понизившийся голос гадалки спросил:

— Что или кто задержал нашу дорогую фрау Краузе?

— А ты знаешь, что сейчас модно таро, а не эти бабкины пасьянсы? — спросила под руку Валентина Петровна, хитро скривив розовые губы.

Софья Николаевна охнула. Несколько карт неуклюже упали на пол, и золотистую блондинку обожгли укоризненные взгляды.

— Ты можешь под руку не лезть? — Софья Николаевна недовольно дернула подбородком. — Знаешь, что нельзя мешать гадающему, когда он задает вопрос.

— Держите, тетя Сонь.

Из-за стола вынырнул улыбающийся парень в фартуке из коричневого кожаного фартука и подал гадалке беглецов. Подруги заулыбались официанту, а Софья Николаевна потрепала его по руке:

— Спасибо, Ванечка. Слушай, а погреешь нам пироги? А то мы засиделись как-то...

— А вы мне погадаете? — Ванечка взял тарелки с пирогами и кивнул на колоду. — А и правда, тетя Соня? Почему вы на таро не перейдете? Гадали бы туристам, и к пенсии прибавка.

— У меня так еще бабка гадала, — Софья Николаевна отмахнулась и снова принялась тасовать карты. — Все эти арканы, повешенные... Голова кругом! Мне, знаете, что внучка говорит? Как ты можешь гадать, если ты крещеная?

Подруги за столиком захихикали старой, избитой шутке, однако которая всегда приходилась к месту и никогда не надоедала.

— А я ей говорю, — Софья Николаевна подмигнула Ванечке, — я тебе даже больше скажу. Я при Союзе родилась. Мне ни в Бога, ни в Дьявола верить не положено, а карты единственные, кто дают мне веру в светлое будущее, раз у коммунизма не получилось!

Тихий всплеск хохота у столика ненадолго перекрыл баритон «Смуглянки-молдаванки», которая звучала в кафе, и опал невесомой пеной на пустых столиках. Софья Николаевна тряхнула головой, вздернула подбородок повыше и повторила утробным голосом вопрос:

— Кто или что задержал фрау Краузе?

Перетасовав колоду еще пару раз, Софья Николаевна выложила на платок девять карт, сгруппированных по три в небольшие веера.

— Убили! — охнула строгая Клава Ильинична с тугим пучком, указывая на туза пик.

— Да не дури! Выпала же дама бубен! Молодую убили! — натянула на лоб сиреневый берет Светлана Анатольевна.

— Так тихо!

Софья Николаевна резко развела руки в стороны, сбрыцав массивными бусами и круглыми этническими серьгами. Обведя подруг строгим взглядом, гадалка на всякий случай прицкнула и на Ванечку, и только потом прошептала:

— Не лезть в расклад! Кто гадал, тот и интерпретирует! А кого-то и впрямь убили...

Сдобные пальцы Софьи Николаевны поправили веера карт. В первом веере лежала несчастная дама бубен, дама червей и угрожающий туз пик. Из второго веера на дам смотрели червовый валет, валет пик и король пик.

— А вот и наша фрау Краузе, — с игривой улыбкой Софья Николаевна указала на даму пик в третьем веере, которую окружали король червей и король треф. — Вот она, голубушка. Скорее всего, опять на месте преступления со своим трефовым королем.

— А кто тогда король червей? — Валентина Петровна прихлебнула чай и на всякий случай забрала из рук Ванечки тарелку, чтобы зазевавшийся официант не уронил их заказ на пол.

— Семейный мужчина, — выдвинув подбородок вперед, Софья Николаевна прищурилась. — Солидный мужчина. Пока не знаю, кто он, но мне понятно одно. Убили молодую девушку. Богатую. И в ее смерти замешаны ее подруга и трое мужчин. А фрау Краузе, скорее всего, сейчас там и, как всегда, помогает следствию.

Гадающие, не сговариваясь, обернулись на пустующий пятый стул. На нем обычно сидела фрау Краузе. Она вешала на спинку свои круглые фетровые шляпки, каждый раз разные, и, попивая сваренный в турке кофе, наблюдала за залом.

— Молодой человек, примите заказ! — крикнула из глубины зала голодная туристка.

— Одну секундочку! — Ванечка снова подхватил тарелки с пирогами и побежал к стойке.

Подруги вернулись к картам.

— Ну и кто бы это мог быть? — брови Светланы Анатольевны взлетели и потерялись под резинкой берета.

— Давайте посмотрим червового короля... — тасуя карты, пропела Софья Николаевна.
— Может, Аннушка, наконец, встретит мужчину своей мечты!

— В нашем возрасте уже нужно говорить «дедушка мечты», — хихикнула Валентина Петровна.

— Та-ак, посмотрим, — под предыдущим раскладом появились восьмерка пик, шестерка червей и десятка трэф. — Ай, нет! Не любовь это!

— Так вот же черви, — Клава Ильинична ткнула в шестерку.

— Это платоническая любовь, я бы даже сказала... сыновья, — Софья Николаевна и так, и эдак закрутила головой, разглядывая карты. — Но что я могу сказать точно: король червей и наша дама пик крупно поссорятся, а потом...

Колокольчик над дверью протяжно звякнул, и Светлана Анатольевна с Клавой Ильиничной — они сидели лицом к входу — радостно заулыбались. На пороге стояла живая и здоровая фрау Краузе. В узкой юбке ниже колена, твидовом жакете она сняла с головы зеленый котелок фетра и пригладила тугую ракушку каштановых волос.

— Guten morgen, Damen!¹! — фрау Краузе скинула с плеч душный пиджак и села на место. — Простите за опоздание. На что расклад?

— На то, где ты так запропастилась, — Софья Николаевна театрально провела руками над раскладом, как купец над своим лучшим товаром.

— Ну и что выпало? — фрау Краузе помахала Ванечке и внимательно оглядела карты.

— Убийство!

По лицу фрау Краузе пробежали беспокойные волны огорчения, злости и скорби, которые, наконец, подернулись льдом деловой решительности:

— К сожалению, это правда.

Софья Николаевна в испуге отпрянула от страшного расклада и посмотрела на свои белые руки, которые напророчили такую неприятность. Над столиком повис молчаливый штиль, и подруги в ожидании посмотрели на немку.

— Да, — фрау Краузе угрюмо дернула подбородком. — Убита Инга Златовская. Еще совсем девчонка. Училась в десятом классе женской школы-пансионата. Сбросили с Катерининского мыса! Бедняжка!

— Вот тебе и богатая девушка, — Валентина Петровна потрянула золотистыми волнами волос и показала на даму бубен. — Это же дочь Николая Златовского, бизнесмена. Янтарь, морская соль и художественная галерея!

— Верно-верно! Но кто!? — от страшной новости глаза Клавы Ильиничны стали такими же круглыми, как и ее тугой пучок.

— Следствие только началось, — фрау Краузе тускло улыбнулась подошедшему Ванечке, который принес ее любимый турецкий кофе и подогретые пироги. — В руке девочки обнаружили пуговицу с форменного пальто школы-пансионата. Убийца — кто-то из девочек. Я сейчас поболтаю с вами и пойду туда. Помогу опросить свидетелей.

Ванечка поставил перед фрау Краузе маленькую чашечку кофе и с сомнением посмотрел на Софью Николаевну:

— Теть Сонь, не надо мне гадать. Пожалуйста.

¹ Доброе утро, дамы (нем.)

II

Медная шестеренка курантов кирхи натужно перешагнула щербатый зубчик, и внутри старых механических часов все пришло в движение. Гирия плавно опустилась вниз, цилиндр закрутился и молоточки ударили в колокола, пробив половину двенадцатого. Потрявоженные медным перезвоном чайки забили крыльями и, сорвавшись с насиженных мест, закружили над рыночной площадью. Их протяжные фальцеты и посвист стальных крыльев заставили туристов запрокинуть головы, а местных — пригнуться, чтобы уберечь макушки от нечаянных ударов.

Одна из чаек отбилась от стаи. Голод и память о мансардных окнах, за стеклами которых в коричневых багетах плескались волны Балтики, а неувядающее лето дышало парами лака и скипидара, заставили ее набрать высоту.

Тень упругого тельца мелькнула над разноцветными черепицами крыш. Чайка накренилась вбок, коснулась крылом далекого паррома Янтарного острова и пугливо отпрянула от отвесного обрыва Катерининского мыса. Наконец, она обогнула шпили городской ратуши. Нырнув в тихий переулок, птица приземлилась на окна приземистого домишки, зажатого в ряду таких же обстриженных под горшок кирпичных Гансов.

Черный глаз чайки быстро заморгал. Склонив голову, птица ловко извернулась и сорвала с крюка куски дешевой селедки. Бросок, глоток! По ту сторону стекла раздался хлопок дверью. Застигнутая за завтраком птица встрепенулась и, зажав в клюве рыбу, спикировала вниз, не дав благодетелю даже полюбоваться своим серым хвостом.

Но благодетель даже не думал подниматься в мансарду, чтобы проверить, поела ли крылатая питомица или нет. Открыв дверь, он скинул с ног кроссовки. Раскрасневшийся и запыхавшийся после пробежки, он бросил телефон с ключами на тумбочку и, стянув мокрый спортивный лонгслив, направился напрямик в душ.

Но даже после душа, о питомице не вспомнили. Выбравшись из-под тугих струй тропического ливня, который подернул зеркала в ванной молочным маревом, Вадим прошлепал босыми стопами на кухню. Мысли после кардиоэкзакуции покатались по привычной одноколейке: кофе, ученики, стопка работ по отработке перспективы и злосчастная Суми-э.

Взяв в руки один из листков рисовой бумаги, которые теперь валялись по всему дому, Вадим скривил губы. Ему не давался японский монохром. Чернильные кои походили на кляксы, а не на знаменитых карпов. Гора Фудзи вышла вылитой Ключевской сопкой, а в сакуре отчетливо проступала русская яблоня.

После недолгих размышлений, носитель позорной неудачи художника полетел в урну. Вслед за смятой Фудзи отправились бы в последний путь и кои, но их спас звонок телефона. Не глядя на дисплей, Вадим смахнул переливающуюся полоску «ответить» и недовольно буркнул:

— Владимиров, слушаю.

— Оу, богема Монмартра не в духе? — бархатный женский смех плеснул на Вадима прозрачной пеной и заставил улыбнуться. — Неужели пришлось встать раньше одиннадцати. Какой ужас!

— Богема до трех ночи тренировалась рисовать это несчастное Суми-э, — Вадим все же смял карпов и отправил их в алюминиевый саркофаг мусорки. — Вот скажи мне, глава родительского комитета. Почему, именно, Суми-э? Почему я не могу дать девочкам мастер-класс по натюрморту или портрету?

— Так проголосовали девочки, — голос в динамике телефона тяжело вздохнул, словно его хозяйка была готова вот-вот расплакаться. — Азия сейчас в тренде и все дела. Вадик... тут такое дело. Ты можешь подъехать в пансионат?

— Ляля, а что я там забыл? — зажав телефон одной рукой, Вадим сгребал в раковину кружку и тарелки после аскетичного завтрака из кофе и хлеба с маслом. — Моя опять довела директрису до истерики?

— А ты не в курсе? — Ляля порывисто вздохнула. — Ты же, кажется, бегаешь по утрам по пляжу.

— Там на мысе что-то произошло. Я по лесополосе бегал. Там, где старые немецкие доты.

Запоздалое понимание с отяжкой ударило в затылок. Мыс не даром прозвали Катерининским. В 60-ые с него скинулась одна из первых учениц женского пансионата. Увезенная родителями из Литвы на ненавистный Энхинзель, девочка не выдержала разлуки с любимым и подобно героине Островского кинулась в Балтику.

Вадим замер, так и не опустив тарелку в мойку. Переборов наждачку в горле, он хрипло уточнил:

— Ляля, там кто-то из наших девочек?

— Инга. Инга Златовская, — Ляля всхлипнула, но громко шмыгнув носом, постаралась убрать из голоса дрожь. — Сейчас в пансионате работают следователи. Им нужно поговорить с девочками. Но ты же знаешь. Они не могут вести допрос без родителей, так что нужно приехать, Вадим. Да и наши девочки... им нужна поддержка.

— Да, конечно, я приеду.

Обтерев руку о брюки, Вадим вышел с кухни. Он зашел в залитую полуденным солнцем гостиную и встал у окна, наблюдая за осенним низким небом. Купол атмосферы еще отдавал прозрачной голубизной лета, но белковые взвеси серых облаков, уже намекали на близость морозных утренников и сезона шквалистых дождей.

— Как родители Инги? — прервал затянувшееся молчание Вадим.

— У Веры случился нервный срыв, — Ляля зашуршала бумагами, но потом Вадим услышал, как ее голос на мгновение потонул в шуме улицы. — Она сейчас в комнате Лидии Львовны. Ей вкатили несколько кубиков успокоительного. А Златовский рвет и мечет. Грозится лишить школы всех спонсоров, отдать директрису под суд. И знаешь? Он прав. Ее хваленая охрана, на которую мы скидываемся по двадцатке с носа каждый месяц, не уследила за подростком! Ингу убили еще ночью, а никто из персонала даже не чухнулся! Ее не было на завтраке, на первых уроках... Директриса узнала о пропаже школьницы, когда следователи вместе со мной пришли к ней в кабинет!

— Знаешь, Ляля... Люди и из тюрьмы строгого режима умудряются бежать, а ты про школу. В любом случае, разве не для того существуют школьные правила, чтобы их нарушать? Изучать границы, учиться нести ответственность за поступки?

Обернувшись к стеллажу с книгами, Вадим взял групповой снимок дочери с одноклассницами. Все в форме пансионата. С одинаковыми прическами, наклоном головы и даже стрелками на глазах.

В первом ряду, как и положено старосте, стояла Инга Златовская. Высокая белокурая девочка с улыбкой Моны Лизы на кукольном личике. Вадим провел по лицу покойной почерневшим от туши ногтем и тяжело вздохнул. Ему было сложно осознать, что ни он, ни его Даша больше никогда не увидят Ингу на соревнованиях по гребле или на конкурсе «Строя и песни». Маленькая жизнь оборвалась так трагично и неожиданно, что это просто не могло быть правдой.

— В любом случае, сейчас не время искать крайних, — Вадим поставил фоторамку на место и побрел в мансарду, чтобы переодеться. — Оставь это следствию. Нам же нужно помочь друг другу пережить это несчастье. Мы не имеем права поддаваться истерике и взаимным обвинениям. Хотя бы ради девочек.

— Ты прав, Вадим. Как всегда, — Ляля вздохнула, как морская пена перед тем, как окончательно раствориться в песке. — Но у пансионата сейчас большие проблемы. Спонсоры обры-

вают трубки Лидии Львовны. Такое ЧП! Пансионат могут попросту закрыть, и нам придется искать девочкам другие школы. Возможно, даже в Калининграде! Ты готов каждое утро на пароме туда обратно мотаться? Но самое главное... я с трудом убедила директрису отпустить девочек по семьям! Им нужно прийти в себя. Успокоиться, а она вцепилась в них! Верещала про уроки, курсы личностного роста. Угомонилась, когда я пригрозила позвонить Ланскому.

— Ляля, ты молодец, что думаешь о девочках, — Вадим замер на ступеньках, а его голос зашелестел убаюкивающими приливами. — Постарайся выдохнуть. Выпей валерианки: мне больно слушать, как ты себя изматываешь. Все, Ляля, скоро буду.

III

Женская школа-пансионат на Янтарном острове расположилась в тевтонском замке, чудом уцелевшем в Великую Отечественную войну. Его низкорослые угрюмые стены с подслеповатыми бойницами огораживали стратегическую высоту тяжеловесным квадратом. Маленькие оконца, из которых в XIII веке градом сыпались стрелы и копья на польских захватчиков, теперь строго взирали на залив и город, охраняя своих нежных обитательниц.

Трудно было представить, что за этими пузатыми кирпичными стенами скрывается маленький мир. Под защитой осадных укреплений золотились клены, шуршали дубы. Десятки пар детских ног прыгали в салки или степенно расхаживали вдоль грядок с корнеплодами и пряными травами. Фасад же самого замка, похожий на огромную печку, с умилением взирает на резвых детей и тихо вздыхал сводами подземных катакомб.

Кабинет директрисы Лидии Львовны не уступал замку в монументальности. Темное полированное дерево, книжные шкафы до потолка и кинг-чарльз-спаниель, которого обожали все ученицы без исключения.

Лежащий на коленях Даши Бильбо удивленно твякнул, а Вадим озвучил его вопрос:

— Где!?

— На кладбище, — почесывая кофейное пузико Бильбо, пожала плечиками Даша.

Мужчины переглянулись. Майор Звягинцев, который пристроился на распахнутом настежь окне, соскользнул с подоконника. Следователь Яков Брандт замер, так и не донеся чашку до губ, и изумленно изогнул темно-серую бровь.

Вадим же едва сдержал усталый стон. Ему было знакомо подобное поведение дочери: нарочито спокойное и даже равнодушное. Каждый раз, когда ему приходило письмо от директрисы с просьбой подойти на беседу, Даша невозмутимо рассказывала, как обкорнала юбку или сбежала с последнего урока погулять на залив. Личное дело Даши пестрело от замечаний, поэтому теперь Вадим и Лидия Львовна настороженно обменялись взглядами.

— Я мало что понимаю в развлечениях современной молодежи, — Звягинцев сел напротив Вадима и Даши. Его брови недоуменно поползли вверх, сделав лоснящееся лицо еще больше похожим на блин. — Но что ты делала на кладбище? Ночью?

— Ворожила, — Даша смущенно улыбнулась и кивнула на Вадима. — Для папы. А-то чего он все один да один.

— Ага. Ну мотивы благородные, конечно, но почему не на выходных? Когда Лидия Львовна за подол юбки не ухватит?

Брандт все-таки отхлебнул какао и в упор посмотрел на Вадима. На его сухопаром вытянутом лице читался настороженный интерес. Ему было трудно представить, что вдовец, пусть даже и обремененный проказливой дочерью, не мог найти себе пассив. Высокий, крепко сложенный. На флегматичном лице Вадима читался интеллект, который смягчал топорные угловатые линии. Такой не мог остаться без женского внимания.

— От папы труднее улизнуть. Да, Бильбо? Твоя мама тоже не отпускает тебя далеко? — Даша поцеловала песика в нос и получила задорный лизь шершавым языком.

— М-да... папы, они такие, — пробормотал Брандт.

Следователь поставил чашку на журнальный столик, сервированный печеньем и шоколадными трюфелями. Он поднялся на ноги и несколько раз пересек кабинет, залитый жидким золотом солнца. Его лучи пробивались сквозь желтую листву кленов и расчерчивали пол в световые классики, невольно задевая пыльные ботинки следователя. Словно опомнившись, Брандт неожиданно спросил:

— А можешь показать могилу, где ворожила? Если твой папа женится, может, и мне попытать удачи?

— Я... не помню, — Даша подняла на следователя глаза и невинно пожала плечиками. — Было темно и страшно. На первой попавшейся сделала.

— Понятно, — Брандт понимающе кивнул. — Значит, от ворот по тропинке и налево.

— Вы что-то путаете, — Даша нахмурилась, и спаниель на ее коленях утробно заурчал. — Там же ступени огромные. По ступеням, через калитку и только потом могилы.

Вадим удивленно обернулся на дочь. Он не водил Дашу на кладбище, даже на прощание с матерью. Вадим не хотел, чтобы дочь с малолетства знала дорогу до погоста, поэтому на родительские дни всегда оставлял ее дома. Но при этом Даша с невинно приподнятыми бровками легко обошла ловушку Брандта. Она откуда-то знала, что кладбище стояло на взгорке. Там не было никакой тропинки, а были старые, вколотенные в землю бетонные ступени.

— Ну, оставим это, — нахмурившись, Звягинцев начал теребить шуршащий фантик. — А с Ингой-то вы что не поделили?

— Да ничего особенного, — Даша махнула рукой и снова начала гладить бархатные ушки спаниеля. — Слово за слово. Она хотела заложить меня, что я ухожу. Я сказала, что пожалуюсь на нее.

— Так-то не хило она тебя приложила, — Звягинцев указал на глубокие царапины на шее и ключицах Даши. — Вона как! Еще немного, и швы бы пришлось накладывать.

— У нее гель-лак на ногтях... был, — Даша нахмурилась. — Твердый, зараза, вот и зацепила. Я только и успевала, что глаза защищать. Ну подрались и подрались. Промеж девчонок чего только не бывает. Это же не означает, что это я ее с обрыва скинула.

Взрослые снова обернулись на Дашу. Девочка сидела, откинувшись на спинку дивана и прикрывшись каскадом пшеничных волос, задумчиво поглаживала пса. Под ее глазами залегли темные круги от бессонной ночи. Рядом было брошено форменное пальто, на планке которого торчали нитки от сорванных чужой рукой пуговиц. Одна из этих пуговиц оказалась в мертвой руке Инги.

— А кто мог сбросить, не подскажешь? — Брандт сел на место и, облокотившись на колени, подался вперед. — Может, Инга с кем-то ссорилась? У нее были враги?

— У идеальной Ми Сонхо не могло быть врагов, — зеленые глаза Даши блеснули на Брандта исподлобья и тут же скрылись под изогнутыми ресницами. — Она называла себя Ми Сонхо. Красивая и благодетельная. Нашу Мери Сюю все любили. От учителей до младшеклассниц.

— А слог «Хо». Что он означает? — Вадим обернулся к дочери и заметил, как она едва заметно вздрогнула от вопроса.

— Лиса, — губы Даши растянулись в бесцветной улыбке. — Кумихо. Девятихвостая лисица. Знаете, я... я очень устала. Я могу идти? Я вам все рассказала, а больше — голова уже стучит.

— Господа, девочка устала, — Лидия Львовна выскользнула из своего уголка, где стояла все это время, и по-матерински распростерла руки над головой Даши. — Ей нужно отдохнуть. Я уверена, что Даша вам все рассказала, а если у вас еще возникнут вопросы... вы встретитесь, но уже завтра. Пожалуйста, Яков Константинович.

— Да, конечно, — Брандт кивнул и, откинувшись на спинку дивана, обхватил подбородок пальцами. — Вадим Алексеевич, задержитесь.

Когда за директрисой и Дашей закрылась дверь, Брандт отмер и подался к Вадиму. Из его глаз пропала прежняя мягкость. Теперь, когда ему не нужно было играть в доброжелательность с подростком, его взгляд стал колючим и вьедливым.

— Вадим Алексеевич, вы понимаете, в какой переплет попала ваша дочь?

Брандт порывисто встал и начал бродить вдоль книжных стеллажей, с которых на Вадима укоризненно взирал алебастровый бюст гуманиста Толстого.

— Убийство Инги произошло с одиннадцати до двух ночи. В это же самое время ваша Даша отсутствует в общежитии. В десять вечера камера на крыльце фиксирует потасовку между девочками. А в руках Инги...

— Нашли пуговицу с пальто Даши, — закинув локоть на спинку дивана, Вадим кивнул и поднял лицо на возбужденного Брандта. — Но и вы, и я — мы понимаем, что это только косвенные улики. Ни один суд не признает это за доказательство вины.

— Но, если кровь под ногтями Инги принадлежит Даше, — Звягинцев поерзал на диване, не сводя с Вадима тусклых глаз. — Это уже совсем другой разговор.

— Федор Петрович, я не сомневаюсь, что экспертиза, помимо всего прочего, найдет под ногтями Инги и кровь Даши, — Вадим взял с журнального столика никелированный кофейник и подлил Звягинцеву какао. — Вы видели раны не шее моей дочери. Без крови там не обошлось.

— Но, когда она их получила? — кивнув, Звягинцев пригубил уже остывший суррогат шоколада. — Если скажете, что на крыльце, то тут противоречие. По ночам уже довольно холодно. Обе девочки были закутаны в шарфы. Значит, добраться до шеи Инга никак не могла.

— Вадим, понимаешь...

Брандт подошел к столу директрисы и, развернув ноутбук к Вадиму, показал ему запись с камер. На экране было видно, как два темных девичьих силуэта дерутся друг с другом. Один силуэт нападал. Другой, что был тоньше и миниатюрнее, безоговорочно проигрывал, а потом и вовсе спасся бегством.

— Твоя же дочь ходит на пилатес вместо физкультуры? — Брандт сел рядом с Вадимом на доверительной близости локтей. — А Инга ходила на греблю. Даже по камерам видно, что Даша не могла победить Ингу в честной схватке, да и пуговица... человек при падении хватается за все, что может, и не зажимает в кулаке пуговицу убийцы.

— Что ты хочешь сказать? — Вадим снова и снова вглядывался в силуэт дочери, понимая, что и на мысе, скорее всего, полетела бы вниз она, а не Инга.

— Я хочу сказать, что кто-то намеренно запутывает следствие, — Брандт мягко вздохнул. — Пуговицу вложил в руку Инги тот, кто знал о напряженных отношениях девочек. А Даша либо что-то знает и боится признаться. Либо кого-то выгораживает. Причем зря. Если этот кто-то решил перевести на нее стрелки.

— Я постараюсь поговорить с дочерью, — Вадим поднялся на ноги и перекинул через локоть пальто дочери. Вслед за ним встали и Звягинцев с Брандтом. — Но для этого я заберу ее домой. В домашней обстановке она расслабится и доверится мне.

— Будем на это надеяться, — Звягинцев кивнул и после Брандта пожал Вадиму руку.

IV

Ковровая дорожка в коридоре общежития выпцвела и потускнела за одно утро. Множество ног родителей и членов опергруппы оставили на ней следы, но все же не смогли затоптать узоры из веток и розовых лепестков. Вадим брел к комнате дочери, понутив голову. Его взгляд скользил по тусклому рисунку ковра, а мысли все еще плутали в обитом деревом кабинете директрисы.

Он раз за разом прокручивал в голове слова и мимику дочери. Она выглядела усталой, встревоженной, но больше не походила на его маленькую девочку. Даша была уже совсем взрослой девушкой. Отдельным человеком, личностью со своими тайнами, надеждами и страхами. Трепещущей молодой душой, которая разливалась чернильным силуэтом на рисовой бумаге.

— Да и слава Богу! Может, уже заживем спокойно!

Вадим встрепенулся, когда услышал голоса из-за неплотно закрытой двери. Остановившись, он прислушался:

— Надо было раньше ее с мыса спихнуть, — продолжил девичий голос. — Ну купила я пробники для ЕГЭ. Мне что из-за этого? Остаток жизни у нее на побегушках быть?

В ответ возмущенному голосу ответил едкий смех:

— Ты так говоришь, потому что Ми Сонхо тебя уже не тронет. Когда жива была, ты у нее первая из служанок была.

— Заткнись!

— Заткнись-заткнись! — девчонка снова рассмеялась. — Ты лучше не мне рот затыкай, а сама не проболтайся. Особенно этой старухе. Ходит, вынюхивает. А может это не Дашка, а наше солнышко Ми Сонхо грохнул? Она на нем с летнего лагеря висела.

Дверь захлопнулась, и голоса стихли до неразборчивого рокота приboя. Вадим ошеломленно потряс головой. Так вот, что происходит за вылизанным фасадом пансионата. Жесткие иерархия и подчинение. Еще более жестокие, чем у взрослых, ведь дети не скованы ни уголовными законами, но даже моралью.

Вадим осторожно зашагал дальше, в надежде услышать еще что-нибудь об Инге. Но двери были плотно закрыты. Из-за них не раздавалось ни звука, а вот из окон, что выходили на парковку пансионата, доносились скорбные трели голосов. Опечаленных девочек забирали по домам до понедельника, а их возвращение уже несколько часов висело под большим вопросом.

Неожиданно уши Вадима различили звуки шагов. Кто-то, не поднимая ног, шаркал по ковру. Звук приближался. Вадим не успел напустить на себя равнодушное выражение, как из-за угла показалась чуть сутуловатая фигура старушки в фетровой шляпке.

Вадим остановился. Фрау Краузе сделала еще пару шагов, но затем тоже встала. Старушка выглядела в точности, как на фото в социальных сетях, в которых она рассказывала про расследования. Банальные истории про потерянные броши и завещания, которыми интересовались разве что журналисты, когда на острове ничего не происходило и им не о чем было писать.

Вадим не любил детективы. Не любил и карикатурных бабушек, которые вместо веселого времяпрепровождения в очередях поликлиники развлекаются разгадыванием убийств.

Фрау Краузе чуть было открыла рот, как Вадим решительно мотнул головой:

— Нет!

— Вадим Алексеевич, eine Minute²!

² Одну минуту (нем.)

Сжав губы в тонкую линию, Вадим решительно зашагал к комнате дочери, когда его осенило: старуха как раз вышла с той стороны.

— Вы что-то выпытывали у моей Даши? — Вадим навис над фрау Краузе и его брови угрожающе сдвинулись.

— К сожалению, нет, — старушка гордо вскинула голову. — Она отказалась со мной говорить, что только больше бросает тень на ее алиби. По большому счету, у нее и алиби нет. Все улики указывают на вашу дочь.

— Это очень мило, фрау Краузе, — скулы Вадима заострились вслед за уголками бровей. — Но помнится, вы уже ошибались в умозаключениях. Так что оставьте выводы следствию. И не подходите к моей дочери.

Развернувшись на пятках, Вадим сделал шаг прочь, как фрау Краузе бросила ему в спину:

— Вы еще скажите, что у нее не было мотива.

— А вы и мотив уже нашли, — Вадим резко обернулся и наткнулся на победоносную улыбку старушки.

— Разумеется, — фрау Краузе тихо расхохоталась, тряхнув каштановыми барашками волос, — и все старо, как этот мир. Любовь и ревность. Вот одна из главных причин преступлений.

— Любовь, — едва не фыркнув, Вадим прикусил губу. — В женском пансионате. И с кем же?

— А вы спросите свою дочь про солнышко, — фрау Краузе отвернулась и неспешно двинулась к витражным дверям на входе. — Дети быстро растут, Вадим Алексеевич. Особенно те, кого отсылают с глаз долой.

— Ах ты!..

С губ Вадима сорвалось едва слышное шипение, которое чудом не превратилось в крепкое ругательство. Сжав пальцы в кулак, он развернулся и ринулся к комнате Даши. Он помнил номер спальни: «69». Бронзовые номерки на дверях мелькали один за одним: «65, 66, 67...» Не доходя до комнаты дочери, Вадим затормозил и пробормотал:

— Шестьдесят девять. Шестьдесят девять...

Он вспомнил, что в мае дочь жаловалась: Инга хотела занять ее комнату. Все началось, как детский каприз, но позже переросло в настоящую истерику. Успокоилась Инга только после того, как ей отдали комнату «96». Палиндром. Число-перевертыш, как и прозвище, которое выбрала для себя Инга: Ми Сонхо. Благотельная красавица днем, а ночью демон с девятью хвостами.

Вадим нахмурился и пошел дальше. Он промчался мимо комнаты Даши и взбежал на этаж выше, практически сразу оперевшись в опечатанную красно-белыми лентами комнату «96».

Дверь была не заперта. В общежитии не было замков, чтобы девочки не могли закрыться от воспитателя. Натянув на ладонь рукав пальто, Вадим опустил ручку спальни и толкнул дверь.

В глаза ударили черные и фиолетовые цвета. На стенах висели плакаты с корейскими айдолами. Полки пульсировали светодиодными лентами. Прямо на Вадима смотрела сама Инга в образе лисицы. В пшеничных волосах поблескивали золотые цепочки. Глаза вытянулись лисьими стрелками. А шелковое кимоно ничуть не скрывало повзрослевших обводов тела.

Плакат висел прямо напротив двери, без слов давая понять, кто занимал высшую ступень в иерархии пансионата — Ми Сонхо.

Вадим озадаченно поплелся назад. Увидев комнату Инги, он не хотел заглядывать в спальню Даши. Что он там увидит? Полуголых корейских мальчиков или саму Дашу в не самом детском наряде?

Подойдя к двери с табличкой «69», Вадим занес руку, чтобы постучать, но остановился:

— Я бы все рассказала папе, — донесся из спальни хрипловатый голос Сони, с которой Даша дружила с пятого класса. — Дядя Вадим поймет.

— Это для тебя дядя Вадим — добрый, — бесцветным голосом возразила Даша. — А со мной он в первую очередь папа. Я... я не знаю, что он сделает, если узнает. Но точно разочаруется.

— Ну не знаю, Дашка. Париться из-за такой фигни! Открою тебе маленький секрет. Никто из нас от Святого Духа не появился. И родки получше нашего знают, чем пестик от тычинки отличается.

— Сонька! — Даша взвизгнула, но тут же расхохоталась. — Какая ты!..

— Какая!? — Соня залилась смехом вслед за подругой. — Только не говори, что вы с солнышком все еще за ручки держитесь! Хотя плевать. У Вадима кто-нибудь есть? Твой папа просто секси!

— Сонька, я тебя придушу за такое!

В комнате поднялся визг и топот ног, которые начали скакать по казенным кроватям. Вадим решил повременить со вторжением. Он не хотел смущать повзрослевшую дочь и ее не менее взрослую подругу. Когда веселье в комнате поутихло, Вадим все же постучал:

— Даша, это папа. Я могу войти?

— Конечно-конечно, дядя Вадим! — из комнаты вылетела девчонка с черным каре и обдала Вадима приторным шлейфом духов. Она повисла на шее у отца подруги и, быстро расцеловав его в щеки, уже кричала практически у выхода. — Я так рада вас видеть! Но я уже спешу! Какая жалость! Пока!

Видя ступор отца, Даша закрыла лицо подушкой и давилась от тихого смеха.

— Что это было? — Вадим зашел в комнату, с облегчением увидев, что спальня Даши в пансионате мало отличалась от комнаты дома: пастельные обои, морские пейзажи его кисти и заваленный книгами стол. — Дарья!

— Это... — Даша покачала головой, разводя руки в стороны. — Это Соня. Хотя будь на ее месте любая другая — сделала бы то же самое. Вы на вершине рейтинга отцов-холостяков, Вадим Алексеевич.

— А вы не слишком ли малы для этого, барышни? — Вадим сел на стул рядом с кроватью Даши и потрепал дочь по голове. — Ну что? Домой поехали или одна в общежитии куковать будешь?

— Домой! — Даша подалась вперед и, обвив отца за шею, прильнула к его плечу. — Забери меня домой. Я не смогу здесь ночевать. Пожалуйста!

— Все, родная, все... собирай вещи.

V

— Ну что, фрау Краузе? Каковы наши успехи?

Майор Звягинцев зажал зубами сигарету и подставил лицо под холодные лучи солнца. Тусклый свет слепил, заставлял жмуриться, но этого было мало, чтобы отвернуть себя уже скушающих по ушедшему лету взоры.

Фрау Краузе последовала примеру старого товарища. Прикрыв глаза козырьком, она подняла глаза к небу и удивилась, что смотрит на него, как из глубокого колодца. Стены старого замка давили. Они выжимали вертикали кленов и дубов ввысь, оставляя маленьких людей скитаться внизу по брусчатке парковки.

— Я выяснила, почему девочки поссорились, — старушка кивнула на Вадима и Дашу, которые складывали чемоданы в машину. — Это был любовный треугольник!

— Фрау Краузе, при всем уважении, — Звягинцев скептически изогнул бровь и все-таки закурил. — Это женский пансионат. А к нам, слава Богу, девочек, которые мальчики, из Таиланда не завозят. Да и от Европы мы пока отбиваемся.

— Пансионат может быть и женский, — фрау Краузе недовольно прищурилась, увидев, как Даша присела перед зеркалом заднего вида и поправляет помаду, — но и среди учителей есть мужчины. Здесь пахнет скандалом. Скандалом с большой буквы!

— Ну видел я этих учителей. Им всем за сорок. Обрюзгшие, мятые. Не думаю, что с таким отцом девочка обратит внимание на старого пердуна.

Заложив руки в карманы, Звягинцев перевел взгляд на Дашу. Тонкая и хрупкая, словно сошедшая со страниц романа об институте благородных девиц. Бантик в корзинке кос. Жемчужные сережки в аккуратных ушах. Фарфоровая кожа, как и у всех в пансионате, будто учениц держали в подвалах, запрещая выходить на улицу.

Фрау Краузе склонила голову набок. Даша и Инга были чем-то похожи друг на друга. Та же хрупкость, те же недетские мысли в глазах. Но Даша была актрисой. Грубо выставив фрау Краузе за порог комнаты, рядом с отцом девочка вела себя, как ребенок. Хлопала в ладоши, пританцовывала и висла на локте, о чем-то упрасывая.

— Но разве это нормальное поведение? — старушка кивнула на Дашу, которая радостно запрыгала, когда крыша отцовского кабриолета начала медленно складываться. — Ее подозревают в убийстве. А резвится так, будто ее на пикник везут.

— Может, это рядом с отцом так? — Звягинцев выпустил изо рта сизую струю дыма. — Да и подростки. Перепады настроения и все дела...

— Все равно это странно, — фрау Краузе фыркнула. — Не понимаю, почему Вадим Алексеевич закрывает на это глаза.

— Фрау Краузе!

Звягинцев и фрау Краузе обернулись. Со ступеней общежитского корпуса к ним спешил Брандт. Всклопоченный, в распахнутом пальто он даже не убрал бумаги в папку, лишь бы успеть перехватить детективный дуэт.

— Ну сейчас начнется... — Звягинцев скривился. — Правила, протоколы. Когда его уже в Калининград-то заберут?

— Фрау Краузе! — Брандт перекрыл спиной отца с дочерью и без переходов обрушился. — Что вы здесь делаете?

— Всего лишь поговорила с девочками, — старушка невинно захлопала накрашенными ресницами и протянула Брандту леденец. — Конфетку?

— Да к черту вашу конфетку, — Брандт наклонился к фрау Краузе, и его вытянутое лицо оказалось вровень с голубыми глазами старушки. — Я вас о чем просил? Не мешайте следствию! Вы понимаете!? Речь не о старой брошке или сокровищах Агры! Здесь речь о

детях. Любые ваши обвинения, которые вы обыкновенно говорите вслух, могут отравить жизнь невинному ребенку!

— Я редко ошибаюсь, Яков Константинович, — с напором процедила фрау Краузе. — Это девочка что-то скрывает.

— А если это просто мальчик из городской школы, к которому она бежит? — Брандт выпрямился и раздраженно мотнул головой на Звягинцева. — Если она просто стесняется перед отцом, а вы ее уже убийцей заклеили. В общем, так...

Брандт потряс пальцем сначала на Звягинцева, а потом и на фрау Краузе:

— Если мне прилетит от начальства, которому на вас двоих пожалуются родители. Я ведь... вы, Анна Генриховна, получите административку. Ты, Федя...

— На пенсию! — Звягинцев схватил Брандта за плечи и радостно потряс. — Наконец-то! Только этого и жду!

— Да ну тебя! — Брандт высвободился и резко оправил пальто. — Я сейчас к Златовскому. А ты в отдел. Чтобы к вечеру все материалы были подшиты и лежали у меня на столе.

Развернувшись на плоских каблуках, Брандт поспешил к машине. Звягинцев же тихо фыркнул ему в спину:

— В отдел! Подшиты! А обед?

— Кстати, об этом, — фрау Краузе взяла Звягинцева под локоть. — Я вчера дома наготовила вареников.

— С грибами!? Так что же вы молчали, Анна Генриховна!? Поехали! Поехали!

Уже через несколько минут его старенькая иномарка выворачивала из ворот древнего замка. Она неспешно катилась по грунтовке вдоль синеющей линии моря. Соленый вымораживающий воздух залетал через опущенные стекла, бодрил, но ни у Звягинцева, ни у фрау Краузе не возникло и мысли, чтобы отгородиться от него. Они наслаждались этой недолгой сухой прохладой, которая уже совсем скоро сменится всепроникающей сыростью.

Вдалеке замаячил острый нос Катерининского мыса. Его отвесные склоны и ужасали, и одновременно внушали уважение к величественной природе острова. Неожиданно Звягинцев оживился:

— Ну-ка, а что они там делают?

Фрау Краузе встрепелась и, подавшись вперед, увидела припаркованный на обочине синий кабриолет Вадима. Отец и дочь стояли неподалеку и что-то обсуждали, рассматривая спуск к песчаному берегу.

— Вы это видели? — Звягинцев не успел выйти из машины, как на него обрушился вопрос Вадима.

— Ща! Щас вылезу! Ой!

Тяжело выкарабкавшись из уютного салона, майор подошел к отцу с дочерью и непонимающе уставился на заросли можжевельника у самого края обрыва.

— И что? Я чего-то не понял...

— Вы видели, что можжевельник обломан? — Вадим недовольно поджал губы и показал обломанные хвойные лапы подошедшей фрау Краузе. — Как будто кто-то ломился вниз сломя голову. И там ниже тоже весь грунт обсыпан.

— Ну не видели, а какое это имеет отношение к делу? — Звягинцев поежился и придержал на затылке клетчатую кепку, чтобы ее не унес порыв ветра.

— А то, что это самый пологий путь вниз, — Вадим обвел рукой мыс. — Я этот район хорошо знаю. Мы сюда на пленэр ходим. Чтобы спуститься вниз и не убиться, нужно спускаться здесь. Ингу могли толкнуть, а потом...

— Не говорите ерунды, — фрау Краузе раздосадованно пошаркала обратно к машине. — Какой убийца станет толкать жертву, а потом бежать вслед за ней?

— А кто будет убивать одноклассницу, зная, что на него все подумают?

Вадим с вызовом посмотрел на Звягинцева, но наткнулся только на скучающий взгляд тусклых глаз.

— Вы даже не занесете это в протокол?

— Не суетитесь, Вадим Алексеевич, — Звягинцев миролюбиво похлопал Вадима по плечу. — Следствие разберется. А это... случайность. Упало что-то, вот и все.